

УДК 94(47).05

DOI 10.18413/2075-4458-2019-46-3-499-506

**КЛЕВЕТА И ОСКОРБЛЕНИЕ В ОТРАЖЕНИИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ
О ЧЕСТИ И ДОСТОИНСТВЕ РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
КОНЦА XVIII – НАЧАЛА XX ВВ.**

**SLANDER AND INSULT IN REFLECTING THE REPRESENTATIONS
OF THE HONOR AND DIGNITY OF THE RUSSIAN NOBILITY
AT THE END OF THE XVIII – THE BEGINNING OF THE XX CENTURIES**

**А.А. Киященко
A.A. Kiyashchenko**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: alexey_kiya93@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы внутрисословной коммуникации среди дворянства конца XVIII – начала XX вв., касающиеся повседневных правил поведения, норм, которые затрагивают феномен такой нравственно-этической категории как честь. В исследовании основное внимание обращено на такие формы унижения дворянской чести, как оскорбление и клевета, проиллюстрированы возможные способы защиты попорченной чести, рассмотрены конкретные примеры судебных дел и дуэльных поединков. На основе, как архивных данных, так и материалов современных работ, установлены разновидности и степени оскорблений, порядок взаимодействия оскорбителя и оскорблённого, а главное – реакция дворянского общества на отказ от защиты и восстановления чести и достоинства. Изучение аксиологической стороны дворянской повседневности целесообразно для формирования целостного представления о менталитете представителей благородного сословия России и их дальнейшего влияния на все сферы жизни Российской империи.

Abstract

The article deals with the issues of intra-divisional communication among the nobility of the end of XVIII and the beginning of XX centuries concerning the everyday rules of behavior, norms that affect the phenomenon of the moral and ethical category of honor. The study focuses on such forms of humiliation of noble honor as insult and slander, illustrates possible ways to protect the trampled honor, and specific examples of court cases and dueling fights. On the basis of both archival data and materials of modern works, the types and degrees of insults, the order of interaction between the offender and the offended, and, most importantly, the reaction of the noble society to the rejection of protection and restoration of honor and dignity were established. Studying the axiological side of a noble's everyday life is advisable to form a holistic view of the mentality of representatives of the noble class of Russia and their further influence on all spheres of life of the Russian Empire.

Ключевые слова: дворянство, честь, оскорбление, дуэль, благородство.

Key words: nobility, honor, abuse, duel, nobleness.

Период середины XVIII – начала XX вв. – время доминирования дворянского сословия в общественной жизни Российской империи. Только представители этого сословия имели право называть себя благородными. Согласно «Жалованной грамоте дворянства»:

«Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели, начальствовавших в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем обращая самую службу в достоинство, приобрели потомству своему нарицание благородное» [Грамота на права..., с. 26]. Этот благородный статус был закреплён законодательно, и идея принадлежности к сословной элите прививалась «дворянским недорослям» с младых ногтей. Дворянские привилегии укрепляли осознание своей сословной исключительности.

Так, Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству от 18 февраля 1762 года избавил дворян от обязательной государственной службы: «...отныне впредь на вечные времена и в потомственные роды жалуем всему российскому благородному дворянству вольность и свободу...» [Манифест..., с. 189–191]. Жалованная грамота дворянству 1785 года к этому праву добавила право сословного самоуправления: «Нашим верноподданым дворянам жалуем дозволение собираться в той губернии, где жительство имеют, и составлять дворянское общество в каждом наместничестве» [Грамота на права..., с. 32], отмену телесных наказаний: «телесное наказание да не коснётся до благородного» [Грамота на права..., с. 28], а также подтвердила прежние имущественные права: «покупать деревни, оптом продавать, что в деревнях родится или рукоделием производится, иметь фабрики и заводы по деревням» [Грамота на права..., с. 31] и право монопольного владения крестьянами.

Эти обстоятельства не могли не сказаться на изменении социально-психологических установок представителей благородного сословия. Ещё в начале XVIII в., по мнению Б.Н. Миронова, дворянство обладало всеми признаками государственного крепостного состояния. Все дворяне были обязаны нести государственную службу, военную или гражданскую, начиная с 15 лет и непременно с самого низшего ранга, в армии – с солдата. Служба была бессрочной – до болезни или смерти [Миронов, 2000, с. 361]. Дворяне не освобождались и от телесного наказания и терпели розги, палки и плети наравне с «подлыми людьми». За некоторые виды преступлений помещик мог быть наказан битьём батогами, кнутом, отсечением пальцев, рук, ушей, языка, а также в любой момент лишён состояния и исключён со службы [Янченко, 2012, с. 139]. Однако к концу XVIII века в результате продворянской политики российских императоров, самосознание благородных существенно трансформируется. Изменяются моральные установки дворян: начинают цениться такие качества, как свобода, честь и честность, благородство. Чувство сословной исключительности становится ярко выраженной доминантой дворянского мировоззрения. Современники видели в этом и обратную сторону. В частности, И.А. Крылов выразил эту помещичью установку следующими словами: «С самого начала, как станешь себя помнить, затверди, что ты дворянин и, следовательно, что ты родился только поесть тот хлеб, который посеют свои крестьяне; словом, вообрази, что ты счастливый трутень, у коего не обгрызают крыльев» [Крылов, 1958, с. 27].

Сословная исключительность дворянства, зафиксированная законодательно и генерированная вековыми традициями, выработала особый нравственный кодекс, характерный для широкого круга представителей высшего сословия [Шаповалов, 2014, с. 427]. Он наиболее известен под понятием «дворянской чести». В одном из первых отечественных толковых словарей, шеститомном «Словаре Академии Российской», выпущенном в 1789–1794 гг., даётся следующее разъяснение этого понятия: «Почтение, уважение; внутреннее убеждение о преимущественном достоинстве чем либо» и «Слава, достопочитенное имя, приобретаемое преимущественными качествами, отменными деяниями и другими отличиями» [Словарь Академии Российской, 1794, с. 726]. Здесь же даётся характеристика таким понятиям, как «бесчестье» и «бесчестный». В первом случае это «позор, срам, стыд», а во втором – «недобросовестный, неправодушный, срамный, позорный, чуждый честности» [Словарь Академии Российской, 1794, с. 728].

Авторы словаря неслучайно так подробно остановили своё внимание на «бесчестии». Именно бесчестие считалось самым страшным позором для любого дворянина, по сути, лишившим его статуса благородного. Оно заставляло действовать всеми возможными способами

для того, чтобы вернуть утраченную честь и репутацию. Поэтому действия, которые могли повлечь бесчестье, со стороны дворянства контролировались и строго пресекались. Особенно остро дворяне реагировали на такие виды нарушения чести, как оскорбление и клевета. Это не являлось исключительной нравственной реакцией русского дворянства, а уходило глубокими корнями в эпоху рыцарства, а оттуда стало общеевропейской реакцией благородного сословия.

На первый взгляд оскорбление и клевета – синонимы, но оскорблением считали унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме [Омельченко, 2008, с. 318]. Оно могло быть нанесено на словах, письменно или действием [Дурасов, 1912, с. 14]. Клевета в отличие от оскорбления не предполагает неприличную форму, а её главной особенностью является распространение ложных сведений в любой форме [Бугаец, 2000, с. 230]. Причём эти сведения должны касаться конкретных фактов и подрывать честь и достоинство человека. В словаре Церковно-славянского и русского языка, изданном в 1844 году, даётся такое определение клеветы – ложь, помрачающая честь и доброе имя человека [Словарь..., 1847, с. 176]. Причём клеветать значило ложно обвинять в чём-либо, заочно возводить на кого-либо зловердную ложь [там же], а оскорблять – раздражать несправедливыми словами и поступками, обижать [Словарь..., 1847, с. 82]. Именно так понимали дворяне клевету и оскорбление.

В то же время необходимо подчеркнуть, что степень восприятия дворянином вышеописанных понятий резко ослабевала по мере его внутрисословной деградации. От высшей аристократии к мелкопоместному дворянству наблюдалась последовательная деформация нравственно-этических ориентиров, связанных с оскорблением, клеветой и бесчестьем в целом. Особенно это было заметно на бытовом уровне, где моральные установки, личные претензии сословного характера резко контрастировали у мелкопоместного владельца с его материальным статусом [Шаповалов, 2014, с. 428].

Эта страта по многим своим качествам и психосоциальным воззрениям была близка к крестьянству, с которым очень тесно соприкасалась. По мнению И.В. Истоминой, среди мелкопоместных дело часто доходило до драк, выбивания зубов и откровенной ругани, но так как представления о чести в данном кругу были существенно размыты, это редко воспринималось как оскорбление и клевета, а становилось чем-то вроде обычного порядка вещей в помещичьей повседневности [Истомина, 2013, с. 94]. Тем не менее даже в мелкопоместной страте, которая всеми силами старалась подражать богатому и родовитому дворянству, имели место судебные процессы, связанные с очернением дворянской чести. Вместе с тем жалобы как мелких, так средних и крупных дворян рассматривали в одних и тех же сословных судах, поэтому юридически все помещики были равны, вне зависимости от страты, к которой они принадлежали.

Именно поэтому и мелкопоместные, и средне- крупнопоместные дворяне должны были следовать единым правилам поведения при получении оскорбления, имея отрегулированный порядок действий. Эти правила окончательно оформились в виде дуэльных кодексов, наиболее полно изданных в начале XX века, но не имевших официального правового статуса. Одним из них, наиболее известным и уважаемым в дворянской среде, стал кодекс Василия Дурасова. Именно там детально раскрывалось понятия чести, оскорбления и порядок сатисфакции – защиты попорченной чести.

Согласно дуэльному кодексу Василия Дурасова, оскорбление имело три степени тяжести: оскорбление простое или первой степени; оскорбление тяжкое или второй степени; оскорбление действием или третьей степени [Дурасов, 1912, с. 14]. Оскорбления первой степени были направлены против самолюбия, не затрагивая честь, это могли быть нарушения вежливости, несоблюдение известных обязанностей относительно лица, исполнение которых последнее вправе ожидать [Дурасов, 1912, с. 15]. Примером такого оскорбления можно назвать ссору двух генералов: П.Д. Киселёва и И.Н. Мордвинова [Гордин, 1997, с. 42]. Киселёв являлся начальником штаба 2-й армии, дислоцированной в Молдавии. Генерал, известный либерал и сторонник реформ, стремился избавиться от старого командования и открыть дорогу близким себе людям [там же]. Одним из таких

старых генералов стал Иван Мордвинов, лишившийся поста командира бригады. Поводом послужило донесение дивизионного генерала Корнилова, о чём Киселёв заявил во время личной беседы с Мордвиновым. Однако сам Корнилов позже солгал Мордвинову, что никакого донесения Киселёву не подавал. В итоге оскорблённый Мордвинов вызвал Павла Дмитриевича на дуэль, во время которой был убит выстрелом в живот.

Оскорбления второй степени, которые также можно назвать оскорблениями словом, были направлены против чести или достоинства лица, это были: диффамация, оскорбительные жесты, не переходящие в область оскорбления действием [Дурасов, 1912, с. 15]. Самыми распространёнными словами, имевшими хождение в речи русских аристократов, были: болван, идиот, мерзавец, оборванец, остолоп, подлец, шантрапа, шваль, шельма. Среди архивных материалов присутствует немало дел, относящихся к этой категории оскорблений. Так, майор Яков Тимофеев оскорбил дворянского заседателя Кобелева, произнеся «вредные чести его слова»¹. Похожим делом можно считать жалобу 1797 года ливенского помещика Ивана Елисеенко, которому другой помещик Гаврила Фаустов пообещал «распороть рот, дабы молчал», вдобавок к этому «кричал и замахивался бить палкой»².

К оскорблениям этого типа также можно отнести дело о дуэли между известным бретером Ф.И. Толстым-Американцем и молодым офицером А.И. Нарышкиным [Парчевский, 1998, с. 88–89]. Несколько офицеров собрались у графа Ф.И. Толстого на вечер. Стали играть в карты. Покупая карту, Нарышкин сказал графу Толстому: «дай туза». Толстой положил карты, засучил рукава рубахи и, выставя кулаки, возразил с улыбкой: «Изволь». Это была шутка, но неразборчивая, игра слов: «дать туза» означает ещё «ударить, тузить». И Нарышкин обиделся грубым каламбуром, бросил карты и, сказав: «Постой же, я дам тебе туза!», вышел из комнаты. Мы употребили все средства, чтобы успокоить Нарышкина и даже убедили Ф.И. извиниться и письменно объявить, что он не имел намерения оскорбить его, но Нарышкин был непреклонен и хотел непременно стреляться. Противники встали на место, Толстой выстрелил и попал в бок Нарышкину. Рана была смертельной; Нарышкин умер на третий день [Парчевский, 1998, с. 88–89].

Оскорбления второй степени включали в свой состав также клевету, распространение порочащих и заведомо ложных сведений. К одним из таких дел относится процесс 1782 года помещика И.И. Киреевского, который назвал вором городничего А.Н. Михельсона, хотя никаких свидетельств об этом не предоставил³. Также исследователи в области истории и литературы обращают внимание на серьёзный конфликт между А.С. Пушкиным и графом Ф.И. Толстым-Американцем [Парчевский, 1998, с. 93]. Граф распустил слух, будто бы поэта высекли в Тайной Канцелярии. Разгневанный Пушкин сразу же вызвал графа на дуэль, так как в представлении благородного такая клевета была тягчайшим и незаслуженным оскорблением.

Но более примечательно дело об оскорблении И.Н. Мещерского Л.П. Батезатулом от 1907 года, которое ярко иллюстрирует как поведение оскорбителя, так и ответные действия оскорблённого лица. Этот процесс позволяет проследить в деталях сам акт оскорбления, а затем сам процесс отстаивания чести и доброго имени. Дело явилось следствием конфликта между князем Иваном Николаевичем Мещерским и фатежским помещиком Львом Петровичем Батезатулом. Последний «позволил себе огласить о ... князе Мещерском... такие обстоятельства, которые могут повредить его чести и достоинству и кроме того, в той же статье поместил о князе Мещерском оскорбительный отзыв, заключающий в себе злословие и брань»⁴. Но дело оказалось намного глубже. В газете «Курская быль» от 15 ноября 1907 года мы как раз и находим ту самую статью Батезатула, которая вынудила истца искать защиты попорченной чести в суде.

Приведём отрывок, отличающийся весьма интересными сведениями: «Один помещик нашего уезда, Церемониймейстер Высочайшего Двора князь М., подал в суд жалобу

¹ Государственный Архив Курской Области (далее ГАКО). Ф. 1638. Оп. 2. Д. 64. Л. 3.

² ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 342. Л. 1.

³ Там же. Д. 86, Л. 1.

⁴ Там же. Ф. 421. Оп. 1. Д. 66. Л. 1.

на помещика же нашего уезда Льва Петровича Батезатул, что будто бы последний завладел его землёй. Суд князю М. в иске отказал, признав, что Батезатул владеет только тою землёю, которая испокон века была во владении Батезатул. После такого решения суда Князь М. 9-го сего ноября с вооружёнными топорами толпою пьяных крестьян села Миролюбово и деревни Милаковки пошёл во главе рубить лес, растущий на земле Батезатул, владение которой судом князю М. было отказано.

Когда эта толпа мужиков под предводительством самого Церемониймейстера Высочайшего Двора явилась и начала рубить сплошь лес... на место разбоя явился приказчик и полицейские стражники из имеющейся при имении охранной стражи... стражники даже объявили, что если не прекратят рубку, то они будут стрелять. С самой площадной бранью Церемониймейстер Высочайшего Двора князь М., вместе с пьяными мужиками бросился было на приказчика и стражников имения Батезатул, но когда последние взяли ружья и прицелились, то вся эта разбойничья шайка вместе со своим сиятельным атаманом отступила за межу, пуская оттуда залпы самой неприличной брани» [Корреспонденция из Фатежа, 1907, с. 2].

И, наконец, оскорбления третьей степени считались самой резкой манерой межличностной коммуникации и представляли собой неприемлемые физически действия по отношению к оскорбленному: удар в лицо, порча одежды, бросание предметов, пощёчина, плевки [Дурасов, 1912, с. 16–17].

В качестве примера таких дел мы можем привести судебный процесс 1782 года между тимскими дворянами А.Н. Михельсоном и И.И. Киреевским. Причиной иска послужило то, что Киреевский нанёс пощёчину Михельсону, тем самым нанеся последнему бесчестье¹. А далее добавил ещё несколько ударов по зубам уже кулаком. Также мы можем упомянуть процесс 1866 г. над Николаем Звягинцевым, который за удар в лицо коллежского секретаря Николая Яковлева пошёл под суд². Во время судебного процесса истца интересовало главным образом восстановление попорченной чести и репутации, нежели компенсация за физический ущерб, который в данном случае был вторичным по отношению к ущербу моральному. Наконец, стоит отметить дело помещика Колошина 1866 года, который ограбил и избил щигровского помещика Денисова³. Тяжесть содеянного ухудшало то, что Колошин являлся опекуном Денисова.

Нанесение либо получение оскорблений женщиной-дворянкой оценивались несколько иначе с точки зрения понятий чести. Так, дуэльный кодекс Дурасова гласил: «Тяжесть оскорбления, нанесенного женщине, повышается на одну степень. Оскорбление первой степени, нанесенное женщине, равносильно оскорблению второй степени, а оскорбление второй степени – третьей», а также «Все оскорбления, нанесенные женщиной, считаются оскорблениями первой степени» [Дурасов, 1912, с. 18].

Один из подобных случаев – разбирательство между капитаншей Анной Жиляевой и дворянкой-вдовой Авдотьей Звягинцовой в 1780 г. по обвинению в клевете⁴. Примечательно то, что капитанша обвинила вдову в «писанном бесчестии» и в том, что это бесчестие было напрасно. Следующим судебным подобным процессом, где, по мнению истца, ему было нанесено оскорбление, можно считать дело по жалобе А.П. Мужланова на своих сестёр. Семейный конфликт, который возник главным образом из-за раздела имущества умершего брата, перерос в полноценную тяжбу, где, помимо всего прочего, была затронута честь⁵. Именно так А.П. Мужланов назвал желание своей сестры обнародовать на суде, что он «не упражнялся в чтении законов» и «не понимал содержания оных».

Иллюстрацией тяжёлых последствий оскорбления, нанесённого женщине, служит факт дуэли поручика Константина Чернова и флигель-адъютанта Владимира Новосильцева [Гордин, 1997, с. 69–70]. Новосильцев влюбился в сестру Чернова, Екатерину, и попросил

¹ ГАКО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 86. Л. 1.

² Там же. Ф. 60. Оп. 1. Д. 336. Л. 1–2.

³ Там же. Д. 332. Л. 1–2

⁴ ГАКО. Ф. 104. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 49. Л. 88.

её руки, на что получил согласие. О предстоящей свадьбе было широко известно в обществе. Однако мать жениха воспротивилась браку из-за скромного и недостаточно родовитого происхождения невесты (Новосильцевы являлись представителями родовой аристократии, тогда как Черновы были мелкопоместными дворянами). Новосильцев стал оттягивать свадьбу, из-за чего Константин Чернов, считая свою сестру оскорблённой, вызвал жениха на дуэль. В результате оба дуэлянта были смертельно ранены и позже скончались.

Оскорбления любой степени обязательно должны были подлежать удовлетворению. В противном случае оскорблённый дворянин признавал своё бесчестие. Так, помещик Пётр Николаевич Старов, считая, что уездный предводитель дворянства Николай Егорович Гангардт мстит ему за высказывания, писал: «я слышал, что будто бы предан суду за выражение моё, что он, Корочанский Уездный Предводитель Дворянства Гангардт, уклонился от благородства. По справедливости, то до сего времени можно бы о том потребовать от меня объяснение. А как его не требовали, то я заключаю, что и это несправедливо»¹. То есть Гангардт публично не ответил на высказывание об «уклонении от благородства», но потом начал вести бесчестную борьбу со Старовым и мстить ему.

С точки зрения дворянских ценностей, Гангардт должен был вызвать Старова на дуэль либо обратиться в суд с заявлением о клевете. Судебное разбирательство считалось официально приемлемым способом отстаивания чести, но было менее одобряемым дворянами. До второй трети XIX века именно дуэль являлась наиболее соответствующим для дворянина средством восстановления попранной чести. Обращение в суд лишало права вызова на дуэль [Дурасов, 1912, с. 36]. А уклонение от дуэли считалось позором и навлекло бесчестие на уклониста вплоть до конца жизни.

В качестве иллюстрации отношения дворян к отказам от сатисфакции мы можем привести примеры из классической литературы. Так, А.С. Пушкин в своей небольшой повести «На углу маленькой площади» в черновом варианте упомянул такую фразу в адрес одного из героев: «Это брат его, князь Павел, мерзавец отъявленный. – А, знаю, тот, который получил когда-то пощечину и не дрался» [Гордин, 1997, с. 24]. Другой пример – произведение Л.Н. Толстого «Юность», в котором мы встречаем одного из героев – Колпикова, который был подвергнут остракизму со стороны своих однополчан за то, что, получив пощечину, отказался драться на дуэли: «Да это тот самый! – сказал он, – можешь себе представить, что этот Колпиков известный негодяй, шулер, а главное, трус, выгнан товарищами из полка за то, что получил пощечину и не хотел драться» [Толстой, 1988, с. 116]. Ведь с точки зрения дворянского самосознания, Колпиков утратил честь и не мог рассматриваться в приличном обществе как равный. И, наконец, в другой пушкинской повести «Выстрел» мы также можем наблюдать реакцию молодых дворян на отказ Сильвио, одного из героев, вызвать на дуэль своего обидчика, Графа Р.: «Мы с удивлением спрашивали: неужели Сильвио не будет драться? Сильвио не дрался. Он довольствовался очень лёгким объяснением и помирился. Это было чрезвычайно повредило ему во мнении молодёжи» [Пушкин, 1987, с. 50].

Однако необходимо отметить, что обязательное требование сатисфакции за нанесённое оскорбление и бесчестие распространялось только на представителей дворянского сословия и не касалось неблагородных. Дуэльный кодекс Василия Дурасова уже в первой статье определяет: «Дуэль может и должна происходить только между равными. Лицо, стоящее ниже другого, может только нарушить его право, но не оскорбить его. Поэтому дуэль, как отомщение за нанесённое оскорбление, возможна и допустима только между лицами равного, благородного происхождения. В противном случае дуэль недопустима и является аномалией, вторгаясь в область судебной компетенции» [Дурасов, 1912, с. 13]. Если же последует оскорбление дворянина со стороны разночинца, то следует отстаивать попранную честь исключительно в судебном порядке.

Таким образом, честь, достоинство и репутация – оценочные и связанные между собой нравственные категории. Именно поэтому преступления против чести и достоинства

¹ ГАКО. Ф. 341. Оп. 1. Д. 103. Л. 3.

одновременно включают в себя два состава: клевету и оскорбление, отличаясь друг от друга по способу унижения дворянского достоинства. Честь исполняла роль своеобразного регулятора общественных отношений в дворянской среде, служа неким индикатором принадлежности к благородному сословию. Благодаря замкнутости дворянского сословия практически все его члены соблюдали особые правила поведения. Поэтому, если задевалась честь, каждый уважающий себя дворянин становился к барьеру и даже, несмотря на страх быть убитым, вёл себя достойно. А отказавшиеся от защиты своей чести и достоинства покрывали себя позором и становились посмешищем в глазах общества [Ткаченко, 2004, с. 139–140]. Исключение составляли оскорбления со стороны представителей неблагородных сословий, с которыми отстаивать попорченную честь требовалось только в судебном порядке.

Список литературы

1. Бугаец А.А. Клевета и оскорбление: почему молчит уголовный кодекс, 2000. Юрислингвистика. 2: 229–234.
2. Гордин Я.А. 1997. Дуэли и дуэлянты: Панорама столичной жизни. СПб., Издательство Пушкинского фонда: 24–70.
3. Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства. 1987. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 5. Законодательство периода расцвета абсолютизма. Отв. ред. Е.И. Индова. М., Юридическая литература: 23–53.
4. Дурасов В. 1912. Дуэльный кодекс. СПб., Сириус, 14–36.
5. Истомина И.В. 2013. Мелкопоместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века. Дисс. ... канд. ист. наук. Белгород, 94.
6. Корреспонденция из Фатежа. 1907. Курская быль. 2: 248.
7. Крылов И.А. 1958. Мысли философа по моде, или способ казаться разумным, не имея ни капли разума. М., Госполитиздат, 24–30.
8. Манифест о даровании вольности и свободы всему российскому дворянству. Полное собрание законов Российской империи, Т. XV. 11444. II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 189–191.
9. Миронов Б. Н. 2003. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. Т. 1, 3-е изд., испр., доп. СПб., Дмитрий Буланин, 361.
10. Омельченко С.С. 2008. Объективные признаки состава оскорбления. Актуальные проблемы российского права. 3: 318–324.
11. Парчевский Г.Ф. 1998. Карты и картёжники: Панорама столичной жизни. СПб., Издательство «Пушкинского фонда», 88–93.
12. Пушкин А.С. 1987. Выстрел. Сочинения в 3-х т., Т.3. Проза. М., Худож. лит., 48–58.
13. Словарь Академии Российской. 1794. В 6 частях, Часть VI (Отъ Т. до конца). СПб., Императорская Академия Наук, 726–728.
14. Словарь Церковно-Славянского и Русского языка. 1847. Том II (З–Н). СПб., Типография Императорской Академии наук, 176.
15. Словарь Церковно-Славянского и Русского языка. 1847. Том III (О–П). СПб., Типография Императорской Академии наук, 82.
16. Ткаченко О.В. 2004. Феномен чести в европейской и русской культуре. Дисс. ... канд. философ. наук. Ростов на Дону, 139–140.
17. Толстой Л.Н. 1988. Детство; Отрочество; Юность, М., Просвещение, 116.
18. Шаповалов В.А. 2014. Поместное дворянство Европейской России в 50–90-е гг. XIX века (по материалам центрально-черноземных губерний). Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 427–428.
19. Янченко Е.Е. 2012. Наказания военнослужащих за преступления в дореволюционной Руси. Общество и право. 2: 139.

References

1. Bugaev A.A. Kleveta i oskorblenie: pochemu molchit ugovolnyj kodeks. [Defamation and insult: why the criminal code is silent] 2000. YUrislingvistika. 2: 229–234.
2. Gordin Ja.A. 1997. Dujeli i dujeljanty: Panorama stolichnoj zhizni. [Duels and duelists: Panorama of Metropolitan Life]. Saint-Petersburg, Izda-tel'stvo Pushkinskogo fonda: 24–70.

3. Gramota na prava, vol'nosti i preimushhestva blagorodnogo rossijskogo dvorjanstva. [The Charter on the rights, liberties and advantages of noble Russian nobility] 1987. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T.5. Zakonodatel'stvo perioda rascveta absoljutzizma. Otv. red. E.I. Indova. Moscow, Juridicheskaja literatura: 23–53.
4. Durasov V. 1912. Dujel'nyj kodeks. [Duel Code] Saint-Petersburg, Sirius, 14–36.
5. Istomina I.V. 2013. Melkopomestnoe dvorjanstvo Evropejskoj Rossii v 50–90-e gg. XIX veka. [Small landed gentry of European Russia in the 50–90-ies. of XIX century.] Diss. ... kand. ist. nauk. Belgorod, 94.
6. Korrespondencija iz Fatezha. [Correspondence from Fatezh] 1907. Kurskaja byl'. 248: 2.
7. Krylov I.A. 1958. Mysli filozofa po mode, ili sposob kazat'sja razumnym, ne imeja ni kapli razuma. [Thoughts of the philosopher in fashion, or a way to seem reasonable, not having a drop of reason]. Moscow, Gospolitizdat, 24–30.
8. Manifest o darovanii vol'nosti i svobody vsemu rossijskomu dvorjanstvu. Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii, T. XV. 11444. [The manifesto on the granting of liberty and freedom to the entire Russian nobility. The complete collection of laws of the Russian Empire, T. XV. 11444.] II Otdelenija Sobstvennoj Ego Imperatorskogo Velichestva Kanceljarii, 189–191.
9. Mironov B. N. 2003. Social'naja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): V 2 t. T. 1, 3-e izd., ispr., dop. [The social history of Russia in the period of the empire (XVIII – early XX century): In 2 volumes. T. 1, 3rd ed., Rev., ext.]. Saint-Petersburg, Dmitrij Bulanin, 361.
10. Omel'chenko S.S. 2008. Ob"ektivnye priznaki sostava oskorblenija. [Objective signs of the composition of the insult.] Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 3: 318–324.
11. Parchevskij G.F. 1998. Karty i kartjozhniki: Panorama stolichnoj zhizni. [Cards and card players: Panorama of life in the capital]. Saint-Petersburg, Izdatel'stvo «Pushkinskogo fonda», 88–93.
12. Pushkin A.S. 1987. Vystrel. Sochinenija v 3-h t., T. 3. Proza., [Shot. Works in 3 tons., V. 3. Prose]. Moscow, Hudozh. lit., 48–58.
13. Slovar' Akademii Rossijskoj. 1794. V 6 chastjah, Chast' VI (Ot" T. do konca). [Dictionary of the Russian Academy. 1794. In 6 parts, Part VI (From T. to the end)]. Saint-Petersburg, Imperatorskaja Akademiya Nauk, 726–728.
14. Slovar' Cerkovno-Slavjanskogo i Russkogo jazyka. 1847. Tom II (Z–N). [Dictionary of Church Slavonic and Russian. 1847. Volume II (Z-N)]. Saint-Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 176.
15. Slovar' Cerkovno-Slavjanskogo i Russkogo jazyka. 1847. Tom III (O–P). [Dictionary of Church Slavonic and Russian. 1847. Volume III (O-P)]. Saint-Petersburg, Tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 82.
16. Tkachenko O.V. 2004. Fenomen chesti v evropejskoj i russkoj kul'ture [The phenomenon of honor in European and Russian culture]. Diss. ... cand. philosopher. science. Rostov na Donu, 139–140.
17. Tolstoj L.N. 1988. Detstvo; Otrochestvo; Junost', [Childhood; Adolescence; Juvenescence]. Moscow, Prosveshhenie, 116.
18. Shapovalov V.A. 2014. Pomestnoe dvorjanstvo Evropejskoj Rossii v 50–90-e gg. XIX veka (po materialam central'no-chernozemnyh gubernij) [Local nobility of European Russia in the 50–90-ies. XIX century (on materials of the central black earth provinces)]. Belgorod, ID «Belgorod» NIU «BelGU», 427–428.
19. Janchenko E.E. 2012. Nakazaniya voennosluzhashchih za prestuplenija v dorevoljucionnoj Rusi. [Punishment of soldiers for crimes in pre-revolutionary Russia]. Obshhestvo i pravo. 2: 139.

Ссылка для цитирования статьи **Reference to article**

Киященко А.А. Клевета и оскорбление в отражении представлений о чести и достоинстве российского дворянства конца XVIII – начала XX вв. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2019. Т. 46. № 3. С. 499–506. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-499-506

Kiyashchenko A.A. Slander and insult in reflecting the representations of the honor and dignity of the Russian nobility at the end of the XVIII – the beginning of the XX centuries. Belgorod State University Scientific Bulletin. History. Political Science. 2019. V 46. № 3. P. 499–506. doi: 10.18413/2075-4458-2019-46-3-499-506